

Чердак с историями + МИФ

МЕЛИССА ЛАНДЕРС

ТЕНЬ
КОРОЛЯ

Перевод с английского
Валерии Лях

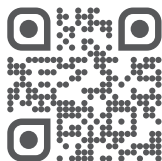
Москва
МИФ
2025

«ЧЕРДАК С ИСТОРИЯМИ + МИФ»

Серия-коллаборация «Чердак с историями + МИФ» объединяет молодежные истории зарубежных и русскоязычных авторов. Их герои ищут свое место в мире, влюбляются, делают трудный выбор и проходят через испытания, после которых уже не остаются прежними.

Серию помогает создавать книжный скаут Алина, основательница и автор сообщества «Чердак с историями». Алина пишет: «Я стараюсь отбирать книги, в которых автору удастся погрузить читателя в историю, в которых есть идеальный баланс между живыми героями, проработанным миром и смыслами».

Больше информации о канале
«Чердак с историями» по QR-коду!

*Посвящается Николь, которая никогда
не теряла веры в эту книгу,
и Лиз, которая приютила ее. Спасибо*

1

— Принеси мне крольчонка, Сериз. И поживее.

Сериз поклонилась Матери-настоятельнице и направилась к крольчатнику на другом конце дворика.

Она поспешила сквозь лабиринт мраморных скамеек и алтарей, легко скользя между ними (ведь храмовые госпожи никогда не бегают), и вскоре оказалась у клетки. Девушка подняла крышку, ощутила запах опилок и травы зубровки и увидела новорожденных детенышей. Малыши сонно заморгали, дергая пушистыми ушками и крохотными розовыми носами. Сериз взяла из гнезда самого маленького зверька и успокаивающе прижала к сердцу. Возвращаясь тем же путем, она поглаживала нежный кроличий пушок и улыбалась, когда детеныш тыкался носом ей в ладонь.

Такие минуты были лучшими в ее жизни.

Но, подходя к Матери-настоятельнице, девушка заметила крупную змею, свернувшуюся и дремлющую под скамейкой, на которой сидела наставница. Шаги Сериз замедлились, а улыбка исчезла. Она крепче прижала крольчонка к груди, осознавая смысл просьбы Матери-настоятельницы.

— Подойди и сядь рядом со мной, — приказала та.

Сериз подчинилась, хоть и медленнее, чем полагалось. Опускаясь на скамейку, она старалась выглядеть уверенной прорицательницей (чтобы скрыть свой страх, как делали другие девушки), но дрожащее дыхание выдавало ее.

Лицо Матери-настоятельницы как будто смягчилось. Она протянула к Сериз иссохшую руку с блестящими на солнце длинными гладкими ногтями и положила ей на колено.

— Скажи, девочка, что ты чувствуешь к этому животному?
— Нежность, — Сериз кашлянула и заговорила увереннее: — Симпатию.

— Что-нибудь еще?

— Привязанность.

— Чувствуешь ли ты в груди тепло, побуждающее тебя его защищать?

— Да, ваша милость. Это малыш. Он во мне нуждается.

— Хорошо. Сосредоточься на этом инстинкте. От него будет зависеть жизнь детеныша.

Мать-настоятельница прижала ладонь к груди девушки и пристально взглянула на нее из-под шапки коротких седых волос. Сериз было девятнадцать, а Матери — в три, если не в четыре раза больше. Точного возраста никто не знал и не осмеливался спрашивать.

— Источник нашего дара — сострадание. Позволь ему направлять себя, и тогда ты *увидишь*.

Сериз кивнула, будто осмысливая ее слова, но она уже слышала их множество раз. Еще в раннем детстве она топала по этому самому дворику и восхищалась юными Видящими, глядя, как они оттачивают свои умения.

Тогда казалось, что это очень легко.

— Преклони колени здесь, — велела Мать-настоятельница, указывая на брусчатку прямо перед собой — на расстоянии вытянутой руки от скамейки... и дремлющей под ней змеи. — Вместе с детенышем.

Сериз повиновалась. Острые кромки брусчатки впились в колени, но девушка этого почти не заметила.

Она сосредоточилась на змее, лежащей на земле перед ней. Та уже пробудилась, и ее раздвоенный язык сновал в воздухе. Крольчонок, похоже, чуял опасность — Сериз ощущала, как его сердечко трепещет, словно крылья небесницы.

— Посмотрим...

Мать-настоятельница пошарила у себя за спиной, достала маленькую проволочную клетку и поставила ее прямо перед Сериз. Клетка была шириной и глубиной в две ладони, с открытым верхом. В передней стенке на равном расстоянии друг от друга были проделаны шесть отверстий, достаточно широких для змеи и слишком узких для кролика. Этой стенкой клетка была повернута к змее, и место, где та отдыхала, было совсем рядом с отверстиями.

— Посади детеныша в клетку.

Сериз выполнила приказ.

— Змея проникнет в клетку, — сказала Мать-настоятельница, — через одно из шести отверстий. Она не будет забираться сверху. Я это знаю, потому что змея проста, и я *вижу*, какой путь она выберет. Закрой глаза и освободи разум — тогда *увидишь* и ты. Узнай верный вход, укажи на него, и я помилю детеныша.

Что произойдет в ином случае, Мать-настоятельница не сказала, но предчувствие сгустило воздух плотнее, чем летняя пыльца.

Сериз не успела опомниться, как змея медленным и хищным движением развернула кольца, являя узор на спине: красные пересекающиеся круги. Низинный всполох. Сериз не могла представить более мучительного способа умереть. Она крепко зажмурилась и сосредоточилась на тепле в груди, на искрах этого жара, пока они не уступили место тревожности.

И спросила себя: «Какой вход выберет змея?»

Под веками была только темнота.

Она снова попыталась добыть ответ из глубин разума. «Какой вход?»

Ничего. Ни одна искра прозрения не зажглась в ней. Она было успокоилась, как вдруг случилось нечто, от чего кровь ее застыла в жилах.

Детеныш закричал.

Сериз в ужасе открыла глаза. Она никогда не слышала, чтобы кролики кричали, и даже не знала, что такое возможно. Это был жуткий звук, полный осознанного страха, и ей показалось, будто плачет человеческий ребенок. По мере приближения змеи детеныш визжал все громче, а затем начал в панике биться о проволочные стены, и маленькое тельце влетало в препятствия с отрывистым звуком: «Бум-бум-бум».

— Опирайся на свое сострадание, — сказала Мать-настоятельница.

Сериз вновь сосредоточилась, опираясь не только на сострадание, но и на все остальные чувства, пока не испугалась, что лопнет от напряжения. Девушка дрожала, покрывшись испариной. Она очистила разум и открыла сердце. Когда и это не помогло, она молча взмолилась богине в поисках ответа.

«Какой вход выберет змея?»

Но как она ни пыталась, ее мысленный взор не желал видеть змею. Крольчонок разразился чередой воплей — предсмертных криков, — когда змея просунула голову в третье нижнее отверстие и изготовилась для броска.

Рука Сериз нырнула в клетку в тот самый момент, когда змея метнулась вперед. Пара острых, как иглы, клыков вонзились в ее предплечье, и тут же пришла такая жгучая боль, что ее невозможно было описать. Девушка закричала во все горло, не заботясь о своей репутации храмовой госпожи. Пусть богиня Шиера заберет ее — смерть будет облегчением. Огонь проник в жилы и вскипятил кровь. Запах обугленной плоти заполнил ноздри. Казалось, что рукав ее одеяния должен воспламениться, но жар не прорывался наружу, а сгушался внутри, нарастая до тех пор, пока перед глазами не заплясали пятна.

Но не прошло и секунды, как Мать-настоятельница уже была рядом и вытягивала яд с помощью целительского дара. Кровь тонкой струйкой вытекала из вен Сериз, падала на землю и собиралась в винно-красную лужицу. Рядом с этим кровавым озерцем лежала, свернувшись кольцами, змея, не то дремлющая, не то мертвая — Сериз не могла понять. Яд покинул тело девушки и унес с собой пламя, но, когда боль ушла, она зарыдала, закрыв лицо рукавом.

— Держи себя в руках, — проворчала Мать-настоятельница. Она откинулась назад и покачала головой: — Что ж, такого я не предвидела. И снова ты меня обескуражила. Уж не знаю, что с тобой и делать.

— Я пыталась, ваша милость. Честное слово... — Сериз загнулась, хотя добавить к этому было нечего. Они обе знали правду и (что более важно) понимали, что она означает. Магией владели исключительно жрецы. Видящие были прорицательницами — теми, кто предсказывает пути в будущее. Лишь горстка особенных Видящих, вроде Матери-настоятельница, имела дар исцеления. Но единственный дар Сериз — приводить в недоумение своих наставниц.

Мать-настоятельница сосредоточилась на каменистой земле и направила энергию исцеления на отделение яда от крови. Масса разделилась на две жидкие сферы — желтую и красную, и постепенно яд свернулся в жемчужинку чистой отравы. Кровь была бесплатна, а вот ядами разбрасываться не стоило, особенно учитывая слухи о возможной грядущей войне. Из этого яда потом изготовят оружие и сохранят для обороны.

— Не падай духом, — сказала Мать-настоятельница, но голос ее звучал безнадежно, — у нас еще есть время.

Три луны. Именно столько оставалось до двадцатилетия Сериз, когда следует праздновать День Обретения — последний шанс на проявление дара, если таковой у нее имеется. Если

к этому дню *видение* не даст о себе знать, значит, не обнаружится никогда. Судьба всех вторых детей, отданных в служение богине, была одинакова. Но за девятнадцать лет, прожитых при храме, Сериз не встречала ни Видящих, ни жрецов, которым пришлось бы так долго ждать проявления дара. По всему выходило, что она им обделена... и что же ей тогда делать? Для дам благородного происхождения возможностей в жизни оставалось немного, и замужество ей было недоступно — для вторых дочерей оно под запретом. Она могла остаться при храме, но лишь в качестве служанки. Девушка поежилась при одной мысли о том, что будет готовить и делать уборку для нового поколения прорицательниц и ее всегда будут окружать молодые и подающие надежды ученицы, а сама она станет стареть и увядать.

Со временем ее забудут. И она себя забудет.

От северного входа в храм послышался стук башмаков — к ним приближался слуга. Сериз внимательно смотрела на его простые серые одежды — знак того, что он второй сын, не обретший дара. Мечтал ли этот человек стать жрецом? Представлял ли, как изменит мир с помощью магии? Был ли он так же убит горем в свой День Обретения, как это предстоит ей?

— Ваша милость, — кланяясь, обратился к Матери-настоятельнице слуга, — семья Солон ожидает вашу ученицу в зале для гостей.

Сериз удивленно моргнула. Зачем приехали родители? В прошлом лунном цикле они ее уже посещали, и до самого Дня Обретения она никого не ждала.

— Проводи их в оранжерею и предложи напитки, — Мать-настоятельница указала на заляпанное кровью платье Сериз. — Дочь выйдет к ним, едва приведет себя в подобающий вид.

— Да, ваша милость.

— Еще отнеси это, — рука указала на яд всполоха, — в оружейную, а это, — теперь на кровь, — на жертвенный алтарь.

— Сей момент, ваша милость.

Лишь когда слуга наполнил два флакона и унес их, Сериз рискнула поднять взгляд на Мать-настоятельницу.

— Что вы им скажете?

— Правду, Сериз. Но, полагаю, они хотели бы услышать ее из твоих уст.

Она спрашивала не об этом. Правда — последнее, чего желали ее родители.

— А теперь ступай переодеваться, — велела Мать-настоятельница, вкладывая в руки Сериз что-то мягкое и теплое. Это был крольчонок, который замер неподвижно... абсолютно неподвижно. — Успокойся, — добавила Мать-настоятельница, коротко глянув на ученицу, — детеныш жив. Просто испытал сильное потрясение. Отнеси его в крольчатник, пусть отдохнет.

Сериз погладила длинные уши крольчонка.

— Ваша милость, он выживет?

Мать-настоятельница не ответила. Ее взгляд был обращен к пятнышку крови на брусчатке у клетки. Она поскребла его носком обуви, пока оно не исчезло, и повторила:

— Ступай переодеваться.